

ПАМЯТИ ВАСИЛІЯ СЕРГІЕВИЧА АРСЕНЬЕВА.

Съ любезнаго разрѣшенія глубокочтимаго Отца Іоанна Соловьева мы перепечатаваемъ поминальное слово о Василии Сергіевичѣ Арсеньевѣ. Отраднo помянуть, что почившій сотрудничалъ въ „Русскомъ Архивѣ“. Образъ такихъ людей не тускнѣетъ со временемъ, а, наоборотъ, утрачивая случайное и несущественное, все ярче служитъ водителемъ для поколѣній грядущихъ, указуя, что человѣческая жизнь лишь тогда получаетъ значеніе возвышенное, когда течетъ въ животворномъ единеніи съ Церковью. П. Б. (младшій).

Уже не одинъ десятокъ лѣтъ у насъ въ Москвѣ, на Садовой улицѣ, противъ церкви Св. Ермолая, въ ближайшемъ между собой сосѣдствѣ жили два глубокіе старца, въ бесѣдѣ о своихъ лѣтахъ иногда говорившіе о нихъ сравнительно съ годами своего сосѣда, который-де „вѣроятно помоложе меня“. Почти сверстники по годамъ (оба они родились въ 1829 году: одинъ—въ мартѣ, а другой—въ октябрѣ), оба эти великіе старца, при рѣзкихъ особенностяхъ своихъ личныхъ духовныхъ настроеній, умственныхъ интересовъ и даже общественныхъ отношеній, были хорошо знакомы между собою и очень близко подходили одинъ къ другому въ общемъ, такъ сказать, характерѣ этихъ настроеній и интересовъ, дѣлавшемъ ихъ типичными представителями этихъ настроеній и интересовъ. Оба они могутъ быть названы хранителями отеческихъ преданій, но каждый въ своемъ родѣ.

Я говорю о хорошо, конечно, извѣстномъ каждому интересующемуся отечественной исторіей, особенно послѣднихъ столѣтій, Петрѣ Ивановичѣ Бартеневѣ, почти 50 лѣтъ бывшемъ „составителемъ и издателемъ“ основаннаго имъ въ 1863 году „Русскаго Архива“, и одѣйствительномъ тайномъ совѣтникѣ Василии Сергіевичѣ Арсеньевѣ, 33 года бывшемъ почетнымъ опекуномъ Московскаго присутствія. Петръ Ивановичъ былъ „хранителемъ отеческихъ преданій“, касающихся нашего земного отечества и земныхъ, такъ сказать, отношеній и положеній, а Василій Сергіевичъ, по-моему, можетъ быть названъ „хранителемъ отеческихъ преданій, касающихся отечества небеснаго и отношеній духовныхъ“; первый былъ собирателемъ и хранителемъ *преданій русскаго народа*, именно какъ народа, а послѣдній—русской православной церковности,—того, чѣмъ жила и жива была наша родина, именно какъ *Святая Русь*...

Петръ Ивановичъ Бартеневъ скончался почти три года тому назадъ (22 октября 1912 года) и въ свое время о немъ именно въ указанномъ отношеніи было говорено на страницахъ *Московскихъ Вѣдомостей*; поэтому и моя настоящая рѣчь будетъ не о немъ, а о Василии Сер-

гевичѣ Арсеньевѣ. Подъ живымъ впечатлѣніемъ этой кончины невольно хочется сказать объ этомъ типичнѣйшемъ представителѣ нашей православной церковности, какъ будто въ область преданій уходящей изъ дѣйствительной жизни. Такъ тяжела эта утрата!

Я не могу и не берусь представить духовный образъ этого отечески-учительнаго представителя нашей православной церковности, какъ сказалась она въ многообразныхъ путяхъ его почти вѣковой жизни; я хочу, какъ умѣю, воспроизвести лишь нѣкоторыя отдѣльныя черты этого прекраснаго въ своей цѣлостности и, къ сожалѣнію, рѣдкаго образа, наблюдать который Богъ привелъ мнѣ въ теченіе немалыхъ лѣтъ неблизкаго, правда, знакомства съ этимъ великимъ старцемъ.

Свѣтозарные отблески духовной жизни почившаго прежде всего и больше всего сказались для меня въ тѣхъ духовно-богословскихъ писаніяхъ его, которыя въ теченіе многихъ лѣтъ помѣщаль онъ на страницахъ нашихъ московскихъ духовныхъ журналовъ: „Душеполезнаго Чтенія“, „Радости Христіанина при чтеніи Библии“ и издававшагося мной: „Вѣра и Церковь,* и въ многократныхъ бесѣдахъ, которыхъ удостоивалъ меня покойный по поводу этихъ писаній. По этимъ-то писаніямъ и бесѣдамъ судя, В. С. Арсеньевъ, принадлежавшій къ высшему свѣтскому обществу, зналъ богобожественные библійско-отеческіе первоисточники нашей вѣры въ ихъ иноязычныхъ подлинникахъ въ такой полнотѣ и совершенствѣ, какъ знаютъ ихъ далеко не всѣ, самымъ званіемъ и положеніемъ своимъ обязанные имѣть это знаніе. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многомъ другомъ, о чемъ рѣчь ниже, покойный ясно напоминалъ собой другого такого же именитаго своимъ положеніемъ мірянина, какимъ былъ покойный К. П. Побѣдоносцевъ. Можно было только удивляться, когда находили они время заниматься чтеніемъ и изученіемъ ихъ при своихъ общественно-государственныхъ дѣлахъ.

Но это—лишь ви́шняя сторона дѣла; суть же его—въ отношеніи покойнаго къ этимъ сокровищамъ нашей вѣры, всегда исполненномъ глубокаго благоговѣйнаго почитанія. Взирая на Библию, какъ на Богооткровенное слово жизни, онъ это слово, а не личный свой разумъ и не науку, поставлялъ въ основѣ всѣхъ своихъ жизненныхъ отношеній и дѣлъ, какъ руководственное начало, и не рационалистически, какъ протестанты, не на соображеніяхъ только разума основывалъ и самое пониманіе его, а какъ и учить наша православная Церковь,—на Св. преданіи. И здѣсь опять во многомъ превзошелъ многихъ именно православныхъ богослововъ, понимая преданіе глубже и шире ихъ. Прежде всего онъ не ограничивалъ его одними лишь святоотеческими твореніями въ собственномъ смыслѣ, но въ равномъ съ ними достоинствѣ

* Писанія эти почти всѣ поименованы въ некрологѣ В. С. Арсеньева, помѣщенномъ въ № 168 *Моск. Вѣдомостей*.

смотрѣлъ и на богослужебныя пѣснопѣнія, и на всѣ общепринятыя обряды и уставы церковныя, чисто и даже въ большинствѣ случаевъ невѣдомыя въ ихъ, такъ сказать, авторскомъ происхожденіи, но всѣмъ намъ близкіе и дорогіе, какъ всѣми пріемлемыя и хранимыя. И опять нужно сознаться, что источникъ нашей вѣры, наши церковно-богослужебныя книги, онъ зналъ такъ, какъ немногіе изъ насъ, предъ глазами которыхъ книги эти постоянно. Достойны особеннаго вниманія тѣ резоны, которыми руководился онъ съ особеннымъ усердіемъ, занимаясь ими и прислушиваясь къ голосу ихъ, какъ выраженію церковнаго преданія. „Творенія святоотеческія въ собственномъ смыслѣ,—не разъ говаривалъ въ Бозѣ почившій,—въ ихъ подлинныхъ словахъ и реченіяхъ вѣдомы немногимъ даже изъ просвѣщенныхъ вѣрующихъ, и подлинныя голоса ихъ не раздаются въ Церкви православной всегда и вездѣ, именно какъ голосъ церкви Вселенской; богослужебныя же пѣснопѣнія всѣми нами—и учеными и простецами вѣры,—какъ бы едиными устами и единымъ сердцемъ воспѣваются и нерѣдко даже малыми дѣтьми повторяются, точно такъ же, какъ всѣми же въ равной мѣрѣ исполняются и обряды, и уставы. И что придаетъ особенное значеніе всему этому, какъ общецерковному голосу, такъ это то, что онъ раздается въ моменты наивысшаго подъема духовной жизни человѣка и въ молитвѣ, и въ изъявленіи религіозно-нравственныхъ его стремленій къ горнему міру и въ живомъ общеніи съ нимъ; ибо вѣруемъ мы, что въ храмѣ съ нами силы небесныя невидимо служатъ, и самимъ усопшимъ, въ память которыхъ творимъ мы извѣстные обряды, память эта отрадна“. Не правда ли, какъ напоминаетъ собою въ рѣчахъ этихъ въ Бозѣ почившій великій старецъ незабвеннаго всероссійскаго пастыря и молитвенника батюшку о. Іоанна Кронштадтскаго, который такъ любилъ и постоянно самъ читалъ за богослуженіемъ положенныя на немъ по уставу каноны, тропари и др., и тѣмъ особенно любъ былъ православному народу. Въ этой новизнѣ отношеній того и другого къ этимъ „заброшеннымъ“ источникамъ нашей вѣры родная старина слышится—старая святая Русь, именно этимъ путемъ умѣвшая сохранить православіе въ его чистотѣ и цѣлости...

Недаромъ и не безъ ума народъ нашъ храмъ Божій съ его богослуженіемъ называетъ Церковію, видя въ немъ именно наивысшее выраженіе церковной вѣры и жизни. Невольно припоминается при этомъ изреченіе одного изъ учителей церкви, что: „тому Богъ—не Отецъ, кому Церковь—не мать“.

И да не подумаетъ кто-либо, что всѣ эти и подобныя имъ прекрасныя слова и разсужденія въ Бозѣ почившаго все же не дѣла, которыя даютъ собой вѣрный отпечатокъ духовнаго образа человѣка и даютъ ему цѣнность. Всѣ слова свои, какъ выраженіе своей вѣры и своихъ убѣжденій, покойный прилагалъ къ своей жизни во всей доступной его силамъ мѣрѣ, такъ что слова эти могутъ быть названы

лишь общей картиной его духовной жизни. Ахъ, какъ любилъ онъ благолѣпіе святыхъ Божіихъ храмовъ, благозвучіе пѣсней церковныхъ и красоту богослужебныхъ обрядовъ! И когда немощи плоти и недуги старчества лишали его радостей личнаго участія въ общецерковной жизни, какъ глубоко сокрушался онъ объ этомъ лишеніи, стараясь домашнимъ чтеніемъ церковныхъ молитвословій восполнить это лишеніе. Потому-то и самая рѣчь его была всегда церковно-отеческая даже въ слововыраженіяхъ и самый укладъ его домашней жизни—въ соотвѣтствіи съ церковнымъ, даже домъ его былъ какъ бы малою церковью. Объ истинной церковности этого человѣка высшаго свѣтскаго общества говоритъ уже то, что двухъ изъ сыновей своихъ онъ воспиталъ для служенія Церкви въ священномъ санѣ, и одинъ изъ нихъ имѣетъ даже высшую ученую степень доктора богословія—единственнаго среди всего Московскаго духовенства. И нельзя бывало безъ умиленія слушать, какъ убѣленный сѣдинами именитый отецъ скромно въ обращеніи къ этимъ сыновьямъ своимъ, въ священномъ санѣ сущимъ, называлъ ихъ „преподобіемъ“, и не видѣть, какъ онъ съ вѣрующимъ смиреніемъ освящался отъ нихъ священническимъ благословеніемъ.

Я мало знаю лично дѣятельность покойнаго Василя Сергѣевича, какъ почетнаго опекуна, въ управленіи имъ разными свѣтскими учебными заведеніями, хотя не мало слыхалъ отъ него о важности и необходимости религіозно-нравственное образованіе и воспитаніе нашего свѣтскаго юношества не только согласовать съ ученіемъ Православной Церкви, а и вести подъ благодатнымъ покровомъ Церкви и ея завѣтовъ и уставовъ. Поэтому не стану распространяться объ этомъ.

Вмѣсто того въ заключеніе своихъ воспоминаній о почившемъ скажу объ одномъ чудномъ и мало кому извѣстномъ эпизодѣ въ его жизни въ дни бывшихъ въ Москвѣ въ 1905 г. беспорядковъ. Дѣло было въ глухую осеннюю ночь; противники, собравшись въ одномъ домѣ, который былъ чуть не рядомъ съ домомъ покойнаго, отстрѣливались отъ пытавшихся захватить ихъ войскъ; отъ грохота орудій и выстрѣловъ изъ браунинговъ въ домѣ В. С. дрожали стекла и нѣкоторые выстрѣлы противниковъ летѣли даже въ сторону этого дома. Что же дѣлаетъ въ это время этотъ едва державшійся на ногахъ старецъ? Онъ съ иконою Божіей Матери безстрашно стоялъ въ это время на крыльцѣ своего дома почти на виду у противниковъ и... молился, можетъ-быть, за нихъ же самихъ, упрашивая Пречистую смягчить ихъ озлобленное сердце...

Прот. Іоаннъ Соловьевъ.